

Он очнулся и заметил, что миниатюрная барабанщица сунула ему в нагрудный карман листок бумаги. Это был билет с адресом live-house и временем выступления.

Проводив их, он действительно оказался в затруднительном положении... Тан Синь тоже не взялась бы за эту работу. Но образ этой группы успешно пробудил его любопытство. Он никогда не был в live-house на настоящем концерте. Для него это был совершенно новый мир.

Он достал телефон и позвонил Му Ханю, приглашая его на совместный концерт в выходные.

— Ты слушаешь рок? — Ему показалось, что взгляд, который девушка бросила ему в конце, был чем-то похож на взгляд Му Ханя.

— Слушаю. — Му Хань, казалось, только что закончил тренировку, его дыхание было тяжелым:

— Что-то старое, вроде The Cranberries.

Он, видимо, сделал глоток воды, и звук глотания вместе с еще не успокоившимся дыханием заставил Лэ Чэньаня на мгновение потерять концентрацию. Он быстро прочистил горло:

— Кхм, я отправлю тебе адрес. В субботу вечером сначала поужинаем, а потом пойдем на концерт. Там много групп, но я их почти не знаю.

— Хорошо. — Му Хань всегда был немногословен:

— Буду ждать.

Это было их первое свидание после его признания...

Он с хитрой улыбкой провел языком по зубам:

— Программа идеальна, я молодец.

Как будто готовясь к рок-концерту, Лэ Чэньань привел Му Ханя в задымленный корейский барбекю-ресторан. Пешеходная улица была закрыта для машин, и люди толпились в зоне с едой, где от каждого заведения исходил соблазнительный аромат.

Лэ Чэньань передал меню Му Ханю, но тот настаивал, чтобы он выбрал сам.

Ребра вагю, говяжий язык, тушеная свинина с кимчи, рис с красной фасолью. Лэ Чэньань спросил:

— Ты голоден? Насколько?

Му Хань потрогал живот:

— Очень.

— Тогда добавим большую порцию морепродуктового пирога с зеленым луком.

Он вернул меню официантке.

— Сэр, вы заказали довольно много. — Официантка любезно напомнила.

— Да, ничего страшного. Этот красавчик все съест.

Он шутливо подмигнул официантке, которая, судя по всему, была студенткой, подрабатывающей после занятий.

Девушка весело улыбнулась и забрала меню.

Сначала Му Хань пытался помогать с жаркой, но в конце концов только он один продолжал есть. Лэ Чэньань с улыбкой подкладывал ему еду, наслаждаясь процессом. Смотреть, как кто-то ест с аппетитом, особенно если этот кто-то красив со всех ракурсов, было приятно.

Он взял ровный лист периллы, ложку риса с красной фасолью, кусочек почти готового, еще розового говяжьего языка, немного кимчи и слой корейского острого соуса, завернул все в аккуратный комочек и протянул через стол. Му Хань, не зная, как взять это, просто открыл рот и укусил, заодно слизнув соус с пальцев Лэ Чэньаня.

Лэ Чэньань нервно огляделся. В шумной обстановке никто бы не заметил, но он все равно почувствовал себя виноватым.

Му Хань, пережевывая, смотрел на него.

Проглотив, он спросил:

— Чего ты нервничаешь?

Его взгляд был горячее углей. Лэ Чэньань не знал, что ответить.

Раз уж он решил за ним ухаживать, чего он боится?

— Эээ, не нервничаю.

Он собрался с духом и вытер соус с уголка рта Му Ханя, а потом попробовал его сам.

Лэ Чэньань заранее изучил план live-house. Пространство было не очень большим, но освещение оказалось лучше, чем он ожидал.

Он взял с собой только один объектив с большой светосилой, чтобы снять атмосферу, избегая неожиданностей в тесноте.

Времени было еще много. После барбекю он купил два мороженых, и они пошли, наслаждаясь ими. Расстояние было не слишком большим, прогулка как раз помогала переварить еду. Пешеходная улица была шумной, они шли молча, проходя мимо ярких огней. Лэ Чэньань посмотрел на Му Ханя, и тот ответил ему взглядом. Впервые он одновременно чувствовал скуку и интерес, хотя эти эмоции казались противоречивыми, они существовали вместе, что было странно.

Дверь live-house выглядела старой и потрепанной, покрытой облупившимися плакатами и нелепыми граффити.

Внутри был бар, за которым сидел худощавый человек с низко надвинутой на глаза кепкой. Лэ Чэньань протянул ему два билета.

Стены были обклеены расписаниями выступлений и тематическими плакатами разных групп, среди которых попадались фотографии и рекламные объявления. Приглядевшись, можно было найти записки фанатов — пожелания, признания, но чаще всего гневные ругательства. Свет был тусклым, Лэ Чэньань пришлось наклониться, чтобы разглядеть: «Козел, проваливай,

юность, прощай».

Концерт еще не начался, и он, пока людей было немного, сделал несколько снимков окружения.

Му Хань, похоже, тоже впервые был на выступлении подпольной группы, в его глазах читалось легкое возбуждение.

— Красавчик, посмотри сюда.

Он навел объектив на его изящный профиль и сделал снимок.

Лицо Му Ханя было небольшим, слабое освещение подчеркивало прямой нос, тонкие губы, четкую линию подбородка и выразительный кадык.

Услышав щелчок затвора, Му Хань повернулся к нему, его взгляд был игривым, а на лице появилась едва заметная улыбка. Лэ Чэньань нажал на спуск, и щелчок камеры словно выстрелил пулю прямо в его сердце.

Неужели он не умеет позировать перед камерой? Каждый раз, когда он смотрел в видоискатель, Лэ Чэньань чувствовал, как его затягивает в этот взгляд, не оставляя шансов на сопротивление.

Он подошел ближе и спросил:

— В тот день, когда ты снимался с Сюэ Сяо в рекламе, ты никак не мог войти в состояние.

Му Хань кивнул.

— Что он тебе сказал, чтобы помочь? — Он помнил, как Му Хань тогда посмотрел на него.

— Он сказал... Представь, что в объективе тот, кто тебе нравится, и представь, что ты флиртуешь с ним. — Му Хань смотрел на него так же, как тогда.

Лэ Чэньань быстро отвел взгляд, резкий скачок давления заставил его на мгновение потерять равновесие. Когда он снова поднял голову, Му Хань уже рассматривал записки на стенах, словно ничего не произошло.

Ему было досадно, что его навыки флирта, вероятно, были на уровне школьника. Он стоял рядом с Му Ханем, рассеянно глядя в пространство, не зная, то ли он переел, то ли скачки давления замедлили его мысли.

Но вот началось. Пространство моментально заполнилось, как консервная банка. Лэ Чэньань оказался в толпе незнакомых молодых людей, почти вплотную прижавшись к ним. Концентрация кислорода, казалось, снизилась, и дышать стало труднее.

Хотя это был сборный концерт, группа «Бестолочи» занимала большую часть времени. Другие группы появлялись лишь для того, чтобы дать им передохнуть. Этот live-house был одним из старейших в городе. Многие из его современников уже закрылись или превратились в бары. По сравнению с новыми местами, здесь было не так просторно, освещение было не самым лучшим, и оборудование не было новейшим. Но «Бестолочи» начинали здесь, и благодаря их преданности это место все еще существовало, как символ независимой музыки, привлекающий новые таланты.

Их вступительное слово было коротким:

— Мы — Бестолочи.

Толпа взорвалась аплодисментами. Казалось, все вокруг знали слова их песен. Лэ Чэньань наблюдал, как они поднимали руки, взаимодействуя с музыкантами на сцене. Каждый чувствовал себя хозяином этого пространства.

Когда они запели «Глубоководная рыба», свет на сцене стал темно-синим. Взглянув вперед, он увидел барабанщицу с высоким хвостом, под левым глазом у нее была сияющая медуза, а под правым — уродливая рыба-удильщик, страшная и угрожающая.

В отличие от прослушивания в наушниках, здесь было более двадцати динамиков, звук оглушал. Лэ Чэньань не разбирался в роке, особенно в металле, но чувствовал, как кровь закипает, и все тело наполнялось легкостью. Он поднял камеру, открыл диафрагму, замедлил затвор и потянул за собой Му Ханя, используя его плечо как опору. Они оставались неподвижными среди бушующей толпы.

Он сделал отдельный снимок барабанщицы. В отличие от первых рядов, здесь было всего два пересекающихся луча света, а вокруг нее была тьма. Почти никто не замечал маленькую фигурку, скрытую за набором барабанов. Она была погружена в свой мир, создавая самый мощный ритм. Пот стекал с виска по шее, оставляя блестящий след, который на мгновение вспыхивал в свете прожекторов.

<http://bllate.org/book/16169/1449207>